

АЛЬБЕРТ ЛАШЁВ

КАК УХОДИЛИ
ЦАРИ

Альберт Лашёв

Как Уходили Цари

<https://litres.ru/74186797>

SelfPub; 2026

Аннотация

1862 год. Новгород. Памятник «Тысячелетие России» — сто двадцать восемь фигур. Есть Пётр. Есть литовские князья, воевавшие с Москвой. Нет одного — царя, при котором страна удвоилась. Взял Казань, Астрахань, дошёл до Сибири, создал Земский собор. Иван IV. Список утверждал лично император — вычёркивал имена собственной рукой. Это не забывчивость художника. Это решение.

В 1963 году комиссия вскрыла гробницы в Архангельском соборе. Ртуть у Ивана IV и царевича Ивана — до 1333 микрограммов на навеску. У Фёдора — 3. Одна эпоха, одна усыпальница, одни лекари — яд выборочен строго по линии престолонаследия. В 2000-м исследовали косу Анастасии: ртуть в четыре тысячи восемьсот раз выше фона. Шёпот 1560 года был прав.

Легенду об отце, убившем сына посохом, записал первым Поссевино — иезуитский легат, которому Иван только что отказал в унии с Римом. Черепа царевича нет. На волосах — ни следа крови. Русские летописи пишут одно слово: «преставися». Легату верим. Летописям — нет.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

47

Альберт Лашёв

Как Уходили Цари

АЛЬБЕРТ ЛАШЕВ

КАК УХОДИЛИ ЦАРИ

От Ивана Рюриковича до Романовых

ВВЕДЕНИЕ. ИМЯ КАК ДОЛЖНОСТНАЯ ИНСТРУКЦИЯ

Начнём с загадки, мимо которой человечество проходит пятнадцать веков.

Ни один папа римский не правит под собственным именем. Кардинал, избранный конклавом, в первую же минуту отвечает на вопрос: каким именем желаешь называться? И человек исчезает. Появляется Лев. Или Григорий. Или Пий.

Зачем? Государи всходят на трон под именами, данными при крещении. Президенты правят под именами из паспорта. И только одна организация — старейшая непрерывно действующая структура на планете — при вступлении человека в должность стирает его имя и выдаёт новое. Из короткого, веками не пополняемого списка.

Откройте этот список и посчитайте: семь имён покрывают больше сотни понтификатов. Так не выглядит поэзия. Так выглядит номенклатура.

В книге «Инструкция для папы римского» мы разобрали эту номенклатуру целиком — по всем носителям каждого имени, за полторы тысячи лет, с проверочными таблицами. Здесь дадим рабочий минимум, ключ, который понадобится читателю на каждой странице этой книги.

Имя папы — не украшение. Имя — функционал. Должностная инструкция, объявленная городу и миру в первый день понтификата, — для тех, кто умеет читать.

Лев — имя вылазки: берётся, когда внешняя сила ломится в ворота, и нужно выйти ей навстречу. Григорий — имя архитектора: берётся, когда порядок исчез и нужно строить новый из хаоса; носитель готов к личному поражению ради структурной победы. Бенедикт — внутренняя оборона: трещит сам фундамент. Климент — «милостивый», имя мягкой сделки с внешней силой. Иннокентий — «невинный», имя чистки. Пий — имя гарнизона: берётся, когда враг уже внутри стен. Урбан — имя мобилизации толпы. Сикст — имя строителя. Павел — имя разрыва: носитель приходит не продолжать, а менять инструмент.

Проверить это читатель может сам, не веря нам на слово: возьмите любого папу, посмотрите имя — и посмотрите, что он делал. Календарь перестроил Григорий. Крестовый поход с поля под Клермоном поднял Урбан. Орден иезу-

итов под давлением монархов распустил — Климент. Наполеоновскую осаду в плену пересидел — Пий. Совпадение? На семи именах и полутора тысячах лет совпадений не бывает — бывает система.

А теперь главная мысль этой книги.

Если имя — должностная инструкция, то по смене имён на римском престоле можно читать смену инструкций. И тогда история любой страны, с которой Рим имел дело, должна раскладываться по этим инструкциям, как переписка — по датам на штемпелях.

Мы проверим это на России. Не потому, что Россия — исключение: те же тенденции внимательный читатель найдёт в любой стране Европы того времени, и мы уверены, что найдёт. Россия — потому что она самый чистый полигон: единственная крупная держава, которая не подчинилась ни разу — ни невесте, ни короне, ни легату, ни унии. А то, что не удалось купить, пришлось ломать. Долго. Ломали — при Сиксте-строителе одним способом, при Павле-разрыве другим, при Григории-архитекторе третьим, при Клименте-«милостивом» четвёртым. И каждый раз, как мы покажем, способ совпадал с именем.

Правила игры объявляем сразу, они те же, что во всех наших книгах. Каждое утверждение несёт метку:

[Д] — документ, физический объект, экспертиза, то, что можно предъявить;

[Р] — реконструкция, честно опирающаяся на докумен-

ты;

[ПК] — предание и косвенное, на чём мы ничего не строим.

Мы предпочитаем враждебных свидетелей дружественным: признание системы против себя весит больше любой похвалы. Мы работаем по первоисточникам и не пользуемся Википедией. И мы называем слабые места сами — раньше критиков.

О чём эта книга. О том, как за четыре века была стёрта настоящая Русь: отравлена династия Рюриковичей, пересобрана вера, подменён царь, стёрта с карт восточная держава, сожжена Москва вместе с архивами — и как на каждом из этих узлов, если поднять глаза от Кремля к Риму, обнаруживается папа, чьё имя-инструкция в точности совпадает с происходящим.

И о том, что операция не закончена. В 1862 году из ста двадцати восьми фигур памятника «Тысячелетие России» вычеркнули одного государя. Первый памятник ему в стране появился только в 2016-м — через суд. Второй простоял один час. Почему у последнего настоящего царя России до сих пор не должно быть лица — читатель поймёт уже в первой главе.

Открываем дело.

Постскриптум, написанный Наполеоном

У тезиса «Пугачёв — государь» есть свидетель, которого

не заподозрить в любви к русским легендам, и показание он дал через тридцать семь лет после Болотной площади.

1812 год, Москва, Кремль. Наполеон — по свидетельству, закреплённому историографией (его передаёт Тарле), — велит навести справки о пугачёвском восстании. Официальное прочтение: «изучал опыт бунта, готовя декрет о вольности». Не выдерживает первого вопроса: зачем лучшему полководцу эпохи опыт подавленного мятежа сорокалетней давности? Военного в том деле — ничего; в том деле есть единственное, что могло понадобиться императору, — линия. Наполеон наводил справки о доме Петра III.

И справляться было о ком: дети «казака Емельки» в 1812 году живы. Трофим и его сёстры сидят в Кексгольмской крепости — тридцать восьмой год, пожизненно, без приговора. Империя полвека держала под замком то, что сама называла «ничем», — и в год нашествия за этим «ничем» пришёл справляться император Франции. [Р] по мотиву запроса — приказа с подписью нет; [Д] по запросу, по живым узникам и по тому, что предъявим сейчас: по трём сейфам.

Смотри, как Петербург готовился к этому запросу — заранее, будто знал. Дело Пугачёва запечатано «вечным забвением» — Наполеон не нашёл бы в архивах ничего, и не нашёл. Коронационные регалии Оружейной палаты — шапки, венцы, бармы — вывезены из Москвы в Нижний до сдачи города, отдельной операцией. Носители линии — в ладожской крепости, за девятьсот вёрст от любой французской ко-

лонны. Предмет коронации, документ о династии, персона претендента — три составляющие хода «свой царь на Руси», и все три убраны в сейфы до первого хода гостя. А единственный сакральный предмет, который гость взял из Москвы личным приказом, — крест Ивана Великого: ось, под которой венчались на царство государи от Ивана IV. [Д] по каждому сейфу и по кресту.¹

Вот и постскрипtum к нашей главе, написанный чужой рукой: если «Емелька» был ничем — почему его дело заперто от императора Франции, его дети от него спрятаны, а регалии от него увезены? С «ничем» так не работают. Так работают с линией, которую и через сорок лет считали заряженной.

МАТРИЦА. Имя × Перелом

Прежде чем открыть первую главу, читатель должен получить в руки ключ, которым мы будем пользоваться на каждой странице. Перед тобой — авторская таблица из нашей книги «Инструкция для римского папы»: сводная матрица семи великих папских имён, выведенная из четырёхсот лет конклавов. Каждое имя в ней — не украшение, а должностная инструкция: Лев — вылазка, Григорий — архитектор, Бе-

¹ Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год (о справках Наполеона касательно пугачёвского дела); об эвакуации ценностей Оружейной палаты в Нижний Новгород (авг. 1812, П. С. Валуев); о снятии креста Ивана Великого — мемуары сержанта Бургоня и офицера Маренгоне, переписка М. И. Кутузова с Александром I о судьбе креста.

недикт — внутренняя оборона, Климент — сделка с внешней силой, Иннокентий — чистка, Пий — гарнизон в осаде, Иоанн — сброс. В той книге мы доказывали код на истории самого Рима; в этой — прикладываем его к истории России. На данных этой таблицы и на русских документах мы покажем, как страну год за годом, имя за именем, вели за руку к её сегодняшнему дню — и чья это была рука.

Обозначения в ячейках:

Н — носитель кода;

У — угон (клан или корона поставили своего);

С — сопротивленец (получил имя, отверг программу);

СБОЙ — носитель действовал против кода имени. В скобках при имени — счёт носителей за историю.

ИМЯ / ПЕРЕЛОМ

А.

Нашествие

В.

Конфигурация власти

С.

Раскол тела Церкви

Д.

Технологич. сдвиг

Е.

Угроза релевантности

Ф.

Внутр. легитимность

ИОАНН (21)

— имя сброса

Иоанн VIII — арабы

(Н)

Иоанн XII — коронация Оттона

(У: Тускуланы)

Иоанн VIII — Фотианская схизма

(Н)

—

Иоанн XXIII — секуляризация, Собор

(Н)

Иоанн Павел I — демонтаж вертикали

(Н, 33 дня)

ГРИГОРИЙ (16)

— архитектор

Григорий I — чума, лангобарды

(Н)

Григорий VII — инвеститура, машина 1059

(Н)

Григорий XII — сложил сан, закрыл Раскол

(Н)

Григорий XIII — календарь

(Н)

Григорий XVI — модерн
(СБОЙ: баррикада вместо стройки)

БЕНЕДИКТ (15)

— хранитель механики

Бенедикт XV — мировая война, план 1917
(Н)

Педро де Луна — канонист Раскола
(антипапа-Н)

Бенедикт XIV — Просвещение, инвентаризация
(Н)

Бенедикт XI — после Ананьи
(Н);

Бенедикт XVI — отречение
(Н)

КЛИМЕНТ (14)

— интерфейс (вектор СНАРУЖИ ВНУТРЬ)

II — Сутри;

IV — Анжу;

V — Филипп, тамплиеры;

VI — покупка Авиньона;

VII — легитимация Бурбонов;

XIV — ликвидация иезуитов

(все Н-интерфейс)

антипапы Климент III, VII, VIII — креатуры корон

(У×3)

—

—

Климент XI, XIII — сопротивленцы

(С, оба сломаны)

ЛЕВ (14)

— **переговорщик с эпохой**

Лев I — Аттила

(Н)

Лев III — коронация Карла

(Н)

Лев X — Реформация прозевана

(У: Медичи)

Лев XIII — пром. революция; Лев XIV — ИИ

(Н)

—

—

ИННОКЕНТИЙ (13) — чистка

Иннокентий I — Аларих, 410

(Н)

Иннокентий III — вершина;

IV — низложение Фридриха II

(Н)

Иннокентий II — победа через сеть Бернарда

(Н)

—

Иннокентий X — Вестфаль, мир игнорирует (Н)

Иннокентий XII — чистка курии, запрет nepотизма

(Н)

ПИЙ (12)

— **осада**

Пий II, V — османы, Лепанто

(Н)

Пий VI — Революция (плен); VII — Наполеон (плен);

IX — потеря государства

(Н)

—

—

Пий X — модернизм; XI — тоталитаризмы; XII — война

(Н)

—

Таблица дана здесь без сокращений, в точности по «Инструкции для римского папы», — чтобы читатель в любой главе мог вернуться к ней и сверить наш ход с кодом. Мы

будем ссылаться на неё постоянно; теперь она перед глазами.

ГЛАВА I. ПОСЛЕДНИЙ ЦАРЬ. БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОСАДА РЮРИКОВИЧЕЙ.

Новгород, 1862 год. Империя празднует тысячелетие Руси. На гигантском бронзовом колоколе памятника «Тысячелетие России» — сто двадцать восемь фигур: князья, цари, святые, полководцы, поэты. Есть Пётр. Есть даже литовские князья, воевавшие с Москвой. Есть Рюриковичи, но ... не все. Нет одного из них.

Нет только одного человека - Царя, при котором страна удвоилась. Который взял Казань и Астрахань, дошёл до Сибири, создал первые государевы родословные книги и первый Земский собор. Из тысячи лет истории вычеркнут один государь — Иван IV.

Официальное объяснение готово заранее: памятник стоит в Новгороде, а Новгород помнит опричный погром. Удобно. Только место для памятника выбирали те же, кто утверждал список фигур. Сначала выбрали город, где пропуск можно объяснить, — потом пропустили. И заметь: список фигур утверждал лично император, вычёркивая имена собственной рукой. Пропуск — не забывчивость художника. Пропуск — решение.

Так не поступают со «своим» царём, даже жестоким: Пётр, положивший четверть населения, стоит в полный рост.

Так поступают с чужим. С тем, чьё живое лицо на памятнике задаёт вопрос, на который у заказчиков нет ответа: а куда, собственно, делись Рюриковичи?

Вот на этот вопрос мы и ответим — шаг за шагом. Иван IV был последним истинным царём из дома, правившего семь веков. Не последним по счёту — после него сидел сын Фёдор, тихое угасание. Последним по сути: последним, кто держал. Мы покажем, как его стирали — сначала семью, потом наследника, потом имя. Покажем, чьими пальцами это делали. И покажем руку над пальцами.

Жених у ворот.

Рука эта стучалась в Кремль задолго до 1547 года — и всегда с одним и тем же предложением.

1472 год: брак Ивана III с Софьей Палеолог — проект самого Рима. Переговоры идут через папскую курию, невеста — воспитанница кардинала Виссариона, расчёт — уния и антиосманский союз. Расчёт не сработал: Софья стала русской государыней, а не римским агентом. Заметь имена на престоле Петра: проект начинал Павел II, довёл до венца Сикст IV — строитель. Мост в Москву он возводил тем же жестом, каким возводил свою капеллу.

Дальше — посольства Льва X и Климента VII к Василию III с короной в обмен на подчинение папе. Лев — имя вылазки навстречу внешней силе: в ворота Рима как раз ломится Лютер, и Льву срочно нужен восточный союзник. Кли-

мент — имя мягкой сделки: его посольства вкрадчивы и пусты. Отказ. Отказ. Юлий III и Пий IV зовут Москву на Тридентский собор. Отказ. Пий V зовёт в крестовый поход. Отказ. [Д] по каждому эпизоду — это не наша реконструкция, это дипломатическая переписка самой курии, вековая линия давления.

Полвека сваты уходят ни с чем. Невеста не сработала, корона не сработала, соборы не сработали. У любой канцелярии после такого ряда отказов появляется третий вариант. Мы его увидим. Но сначала — свадьба.

Свадьба и аптека.

Москва, 1547 год. Семнадцатилетний Иван венчается с Анастасией Захарьиной-Юрьевой. Учебники пишут: союз по любви. Возможно, и по любви — жертву не обязательно посвящать в план. Важно другое: с этого дня род Захарьиных-Кошкиных получает то, что не купишь ни за какое серебро, — доступ. К столу. К аптеке. К детской.

Тринадцать лет всё идёт своим чередом. Анастасия рожает шестерых. Царь правит, берёт Казань, страна растёт.

В 1560 году Анастасия умирает — молодой, после затяжного непонятного угасания. Современники шепчутся об отраве; царь верит шёпоту и ломается — с этого года начинается тот «Грозный», которого рисуют учебники. Совпадение? Запомним и пойдём дальше.

1569 год: вторая жена, Мария Темрюковна, умирает ско-

ропостижно, вернувшись из поездки. 1571 год: третья, Марфа Собакина, угасает через пятнадцать дней после венчания — не успев стать женой фактически. Пятнадцать дней. Дальше конвейер даже не прячется: Анна Колтовская — в монастырь, Анна Васильчикова — внезапная смерть, Василиса Мелентьева — фигура настолько зачищенная, что историковеда спорят, существовала ли она вообще (честно помечаем [Р]). Официальный счёт — шесть браков; церковные и частные хроники говорят о семи и восьми.

Официальные диагнозы эпохи звучат так: Анастасия — «длительная изнурительная болезнь»; Мария — «разболелась» после поездки; Марфа — «испорчена ещё в невестах». Последняя формула — не наша: это слова самого царя, занесённые в определение церковного собора 1572 года, который разрешал ему четвёртый брак именно на том основании, что третья жена была отравлена до венчания и умерла девицей. Вдумайся: отравление царицы признано официальным церковным документом XVI века — собору пришлось признать яд, чтобы обойти канон о трёх браках. [Д]²

А теперь спросим, как спрашивает следователь: у кого был доступ к яду? Ртуть — сулема — не лежала в амбаре. Она жила в аптеке, а придворная аптека все эти десятилетия — в руках иноземцев. При Василии III и Елене Глинской придворный врач — Николай Булев, немец. И вот совпадение,

² Соборное определение о четвёртом браке царя Ивана Васильевича, 29 апреля 1572 г.

которого мы не заказывали: Булев — открытый пропагандист унии с Римом, тот самый, против чьих латинских посланий писал Максим Грек. Человек римской идеи — у постели государя и у аптечного шкафа. При Иване — Елисей Бомелий, вестфалец, врач-астролог, о котором англичанин Горсей пишет прямо: готовил яды. В 1579-м Бомелия запытают до смерти — но заметь, кого двор держал у склянок сорок лет. [Д] по лицам и их взглядам, [Р] по исполнению.

Заметим и то, чего добивается конвейер. Не смерти царя — царя берегут. Каждый удар приходится по двум точкам: по тылу (царь остаётся один, подозрителен, окружён «утешителями») и по колыбели (законное наследование превращается в лотерею). Это не почерк ревности. Это почерк селекции.

Современники могли только шептаться. У нас есть то, чего не было у них, — лаборатория.

Четыре тела.

1963 год. Комиссия под руководством Михаила Герасимова поднимает плиты в Архангельском соборе Кремля: Иван IV, царевич Иван, царь Фёдор, полководец Скопин-Шуйский. Задача — реставрация, но учёные берут пробы.

Ртуть, в пересчёте на стограммовую навеску: у Ивана IV — от 20 до 1333 микрограммов. У царевича Ивана — от 12 до 1333.

Что такое норма? Её показывает сама усыпальница: ниж-

ная граница у Фёдора — 3 микрограмма. Это и есть естественный фон человека той эпохи, тех аптек, той пищи. У отца и наследника пики — 1333: превышение фона в сотни раз. Одни гробницы, одна эпоха, одни лекари — а ртуть выборочна, и выборочна ровно по линии престолонаследия: отец и наследник. Аргумент «лечили ртутными мазями, время такое» умирает на этой таблице: время было одно на всех, у Скопина-Шуйского — до 266, у Фёдора — до 333, и оба на порядок ниже.

Теперь о знаменитом посохе — и здесь протокол 1963 года беспощаден. Череп царевича оказался почти полностью разрушен посмертным распадом костной ткани: от головы сохранились часть нижней челюсти, порошкообразная масса и волосы. Герасимов, слепивший документальные портреты отца и Фёдора, портрет царевича сделать не смог — не по чему. Главной улики «удара посохом» физически не существует. И жирная точка: на сохранившихся волосах царевича комиссия не обнаружила следов крови. А рана головы, от которой умирают десять дней, кровит обильно. [Д]³

Скажем и то, что критик скажет за нас: сама комиссия сформулировала осторожно — химическое исследование «не даёт права пока говорить» об отравлении. Слово «пока» продержалось тридцать семь лет.

³ Материалы вскрытия захоронений Архангельского собора Московского Кремля (комиссия под рук. М. М. Герасимова, 1963): данные спектрального анализа и описание состояния останков; Герасимов М. М. Документальный портрет Ивана Грозного // Краткие сообщения Института археологии. 1965. Вып. 100.

2000 год. Тот же некрополь, теперь женский. По инициативе Татьяны Пановой из музеев Кремля судебные медики и геохимики исследуют сохранившуюся косу Анастасии: ртуть — 4,8 миллиграмма на стограммовую навеску. Четыре тысячи восемьсот микрограммов — в полторы тысячи раз выше фона её собственного пасынка Фёдора. В обрывках погребальной одежды — 0,5 миллиграмма, в тлене — 0,3; рядом мышьяк и свинец. Вывод самих экспертов: столько не накопить даже ежедневной ртутной косметикой эпохи. Шёпот 1560 года был прав. [Д]⁴

И третье тело — оно раздвигает раму. Елена Глинская, мать Ивана, умершая в 1538 году, за девять лет до свадьбы с Анастасией: эксперт-криминалист Тамара Макаренко находит соли ртути в концентрациях, в тысячу раз превышающих норму. Доза острая, разовая — не лечение, а исполнение.⁵

И поднимем глаза от гробницы к Риму: 1538 год — на престоле Павел III. Павел — имя разрыва: носитель приходит не продолжать, а менять инструмент. Чем занят этот Павел? Через два года он утвердит орден иезуитов — новое оружие Рима, созданное взамен провалившихся сватовств, — и начнёт готовить Тридентский собор. Первое тело с ртутью по-

⁴ Панова Т. Д. Кремлёвские усыпальницы: История, судьба, тайна. М., 2003; заключение Бюро судебно-медицинской экспертизы Москвы (2000) по спектральному анализу косы царицы Анастасии Романовны.

⁵ Исследование останков вел. кн. Елены Глинской (женский некрополь Вознесенского монастыря, музеи Московского Кремля): заключение эксперта-криминалиста Т. Макаренко; публикации Т. Д. Пановой по некрополю.

является в Кремле в тот самый понтификат, когда Рим официально меняет тактику с покупки на внедрение. [Д] по датам, [Р] по связи — и дальше эта связь будет сжиматься с каждой главой.

Сложим. Мать — 1538. Жена — 1560. Наследник — 1581. Сам царь — 1584. Четыре тела, один яд, два независимых исследования с разрывом в тридцать семь лет. [Д]

Отдельно — о мышьяке, и под тем же углом. Комиссия 1963 года превышения мышьяка не выявила; Панова позднее оспорила саму методику тех измерений. По ртути — [Д], по мышьяку — открытый спор экспертов [Р]. Мы оставляем его открытым и потому непроигранным, но заметим: от исхода зависит, была ли отравка комбинированной — ртуть с мышьяком, классическая пара медленного устранения.

И главный поворот. Захарьины получили доступ к столу и аптеке в 1547-м. Глинская умерла в 1538-м. Яд в Кремле старше их доступа. Значит, Захарьины — рука на своём отрезке [Р], но не константа. Константа — заказчик, которому мешал не Иван, не Анастасия, не царевич. Мешала сама династия.

Почему пощадили Фёдора.

Здесь внимательный читатель задаст вопрос, и мы обязаны на него ответить: если травили династию — почему уцелел Фёдор?

Посмотри на него глазами заказчика. Фёдор — сын Анастасии, родная кровь Захарьиных: его дядя Никита Романо-

вич возглавит при нём регентский совет. Фёдор бездетен — единственная дочь умрёт во младенчестве: он не продолжение династии, а её тихое закрытие. И Фёдор не правит — молится и звонит в колокола; отец, по свидетельствам современников, говорил о нём как о рождённом для кельи, не для царства [Р].

Такого не травят. Такого берегут: он сам — идеальный яд для династии, медленный и законный. Ртуть у него фоновая. Убийцы точно знали, кто им мешает, а кто работает на них.

Кто именно заказчик — сейчас назовётся сам. Голосом своего легата.

Легат.

1581 год. Худший год царствования. Баторий жмёт с запада, шведы с севера, казна пуста, армия измотана. И царь делает вынужденный ход — сам просит посредничества у папы Григория XIII. [Д]

Рим ждал этого письма сто лет. В Москву едет лучший: иезуит Антонио Поссевино, легат с явной миссией мира и тайной — унии. Кто его посылает? Григорий XIII — и вчитайся в имя: Григорий, архитектор порядка из хаоса, человек, который в эти самые годы перестраивает календарь всего мира и строит сеть коллегий, включая греческую коллегию святого Афанасия — фабрику кадров для окатоличивания Востока, открытую в 1577-м. Архитектор не шлёт армию. Архитектор шлёт конструкцию. 18 августа 1581 года его принимают в Старице с чрезвычайной пышностью. Пред-

ложение всё то же, третье поколение подряд: подчинение папе — в обмен на титул, союз, признание.

Иван предложение не отвергает — Иван его подвешивает. Пока легат нужен для мира с Баторием, царь щедр на туманные обещания.

19 ноября 1581 года, пока Поссевино ведёт Ям-Запольские переговоры и предложение Рима лежит на московском столе, в Александровской слободе умирает наследник — царевич Иван. Тот самый, у которого ртусть до 1333 микрограммов, рассыпавшийся череп и волосы без следов крови. Смерть — точно в паузе между двумя визитами легата, точно в момент, когда царь колеблется. Если это давление, то рассчитанное ювелирно: у сломленного отца должны опуститься руки.

Не опустились. 14 февраля 1582 года Поссевино возвращается в Москву — мир с Баторием уже подписан, посредник своё отработал. Легат получает три публичных диспута о вере и на них — ответ похоронившего сына царя: папа — «волк в овечьей шкуре». 15 марта Поссевино покидает Москву с почестями и с пустыми руками. Иван переиграл Ватикан: взял мир, не отдал веру. [Д]

Последний сильный Рюрикович выдержал невесту, корону, собор, легата — и яд. Через два года он умрёт с той же ртутью в костях, и на троне останется тихий Фёдор, последний огарок династии, под регентством дяди-Захарьина. Осада взяла крепость.

Но у этой истории есть постскрипtum, и он ценнее многих улик. Проигравший легат уехал не просто так — он уехал с пером. В 1586 году в Вильно выходит его «Московия», и именно там впервые в развёрнутом виде записана сцена, которую знает каждый школьник: безумный отец убивает сына посохом. Поссевино не очевидец — в те дни он на переговорах за сотни вёрст. Он заинтересованная сторона с провалившейся миссией. Вторит ему англичанин Джером Горсей — второй иностранец. А русские летописи ближайшего времени пишут одно слово: «преставися». Скончался. [Д] по источникам версии.⁶

Вот теперь круг замкнут, и посмотри, как он замкнут: наследника травят — черепа нет, волосы без крови — а легенду об убийстве отцом пишет легат державы, чьё предложение отец отверг. Отравление списано. Династия ославлена безумной. Заказчик расписался на обложке. [Р] по атрибуции замысла — и мы предъявили каждое звено.

А код имени сработал буквально: Григорий — тот, кто готов к личному поражению ради структурной победы. Диспуты легат проиграл. Структура — легенда о безумном отце — стоит четыреста сорок лет.

Бронза и краска.

Осталось понять, почему эту легенду не забыли, а вложи-

⁶ Possevino A. *Moscovia*. Вильно, 1586 (рус. пер.: Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983); Горсей Дж. *Записки о России XVI — начала XVII в. М., 1990*; летописные известия о «преставлении» царевича.

ли в нас с детства — и почему её защищают до сих пор.

1885 год. Илья Репин выставляет «Ивана Грозного и сына его Ивана». Кровь на виске, безумные глаза — сцена Поссевино, триста лет спустя получившая краску и раму. Зритель запоминает картину вместо документа: полотно заменило учебник.

И здесь империя проговаривается. Обер-прокурор Синода Победоносцев — идеолог системы, враждебный нам свидетель высшей пробы — пишет Александру III: «Нельзя назвать картину исторической, так как этот момент... чисто фантастический». И добавляет: «просто отвратительна». Император запрещает показ — первый случай цензуры живописи в истории империи. А через три месяца запрет тихо снимают по хлопотам придворного художника. Вдумаемся: система письменно признала сюжет фантастикой — и позволила фантастике висеть в главной галерее страны. [Д]⁷

Теперь вернёмся к бронзе. 1862 год, Новгород: из ста двадцати восьми фигур тысячелетия вычеркнут один царь. Но это не прошлый век и не частный случай — это действующий режим стирания, и вот его хроника до наших дней.

И проверим наш ключ на этой мелочи — мелочи ли? 1862 год: на римском престоле Пий IX, и Пий — имя гарнизона, война изнутри осаждённых стен. Его Рим только что потерял Папскую область; через два года он издаст «Syllabus» — объ-

⁷ Письмо К. П. Победоносцева Александру III, февраль 1885 г. // К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. М.—Пг., 1923.

явление войны самому сознанию современного человека, а через восемь — догмат о собственной безошибочности.

Гарнизон, у которого отняли землю, воюет за память. И в разгар этого понтификата — с которым у Петербурга, заметь, действующий конкордат 1847 года, живая дипломатическая линия, — в России правят именно память: из тысячелетия вычёркивают лицо. Совпадение кода фиксируем как [Р] — но читатель уже видел, сколько таких «совпадений» легло в одну линию, и увидит ещё.

До 2016 года в России не существовало ни одного памятника Ивану IV. Четыреста тридцать два года — ни одного памятника государю, при котором страна стала державой. Первый поставили в Орле 14 октября 2016-го — через общественную бурю и судебный процесс. Второй отлили для Александрова — его собственной опричной столицы: памятник простоял один час и был демонтирован. Бронзового царя в итоге приютила Москва, но вчитайся в статус: не памятник — «музейный предмет, выставленный для всеобщего обозрения», переданный «на ответственное хранение». Первому царю России в двадцать первом веке нельзя стоять — можно только храниться. [Д]⁸

Пётр стоит. Екатерина стоит. Стоят даже те, кто открывал ворота интервентам. Не стоит один — тот, на чьей семье ла-

⁸ Открытие памятника Ивану IV в Орле 14 октября 2016 г.; установка и демонтаж памятника в Александрове (2017); статус московской скульптуры как «музейного предмета на ответственном хранении» — по официальным сообщениям 2016–2017 гг.

боратория нашла ртуть, а на легенде — подпись римского легата. Рука, начавшая работу при Поссевино, дотягивается до наших дней: ей всё ещё важно, чтобы у последнего настоящего царя не было лица.

Куда делась его держава — расскажет следующая глава. Она называется Смутой. Пятнадцать лет, за которые вычищенный трон аккуратно передали нужному роду.

ГЛАВА II. ПОДМЕНА. КАК ТРОН ПЕРЕДАЛИ БЕЗ КРОВИ

Начнём с теории — и назовём её теорией честно.

Историк Александр Пыжиков в «Славянском разломе» сформулировал то, что мы возьмём рамой этой главы: Смута — не стихийный хаос, а вторжение чужой модели власти, после которого Россией стала править чужая по духу элита. Пыжиков дал направление взгляда. Мы дадим то, чего раме не хватает, — документы. И пройдем по Смуте, как проходят по месту преступления: от мотива к исполнителям, от исполнителей к бенефициару. А в конце, в зале Земского собора 1613 года, защёлкнем замки, каждый из которых по отдельности исключает случайность — а вместе исключают её с гарантией.

Помни, на чём кончилась первая глава: династию семи веков вытравили ртутью, последний огарок — бездетный Фёдор — угас в 1598-м под присмотром родни Захарьиных.

Трон впервые за семьсот лет остался без крови. Поэтому вопрос Смуты — не «почему началась смута». Вопрос — кто оказался готов к ней заранее.

Человек из людской.

1604 год. Из Речи Посполитой на Москву идёт «царевич Дмитрий». Официальная история зовёт его Григорием Отрепьевым и делает вид, что он взялся ниоткуда.

Откроем документы. Правительство Годунова в 1604–1605 годах рассылает по стране и иностранным дворам грамоты с установочными данными самозванца: беглый монах Гришка Отрепьев, а до пострига — слуга на дворе бояр Романовых-Никитичей. Это пишет не сочувствующий — это пишет смертельный враг Романовых, официально, для всей земли. Враждебный свидетель, наш любимый жанр. [Д]⁹

Замок первый: проект «Дмитрий» стартует не из Кракова. Он стартует из романовской людской. Краков его только оформит.

И как оформит! Апрель 1604 года: самозванец в Кракове тайно принимает католичество и пишет собственноручное письмо папе Клименту VIII — письмо сохранилось в архивах курии, его можно предъявить. [Д] Посредник — нунций Клаудио Рангони, чьи донесения в Рим о «московском царевиче» лежат там же. [Д] Обещания: уния для Руси, костёлы,

⁹ Окружные грамоты правительства Бориса Годунова 1604–1605 гг. о «расстриге Гришке Отрепьеве» // Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. II; Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2.

смоленские и северские земли — Сигизмунду. Запомни этот вексель — мы увидим, как по нему заплатят. Рим не завоевывает Россию. Рим принимает её в дар от предъявителя.¹⁰

Подними глаза к престолу Петра: там Климент VIII — «милостивый», имя мягкой сделки. Тот самый, что восемью годами раньше провёл Брестскую унию: поглощение без войны, подпись вместо меча. Самозванец с письмом — ровно его инструмент. Код работает.

Смена такта.

А теперь смотри, как Рим и Москва меняют передачу синхронно, — подгонкой этого не объяснить.

Март 1605-го: умирает Климент VIII, человек сделки. Первого апреля конклав избирает Льва XI — Лев, имя вылазки. Понтификат длится двадцать семь дней. И внутри этих двадцати семи дней в Москве внезапно умирает Борис Годунов — здоровый утром, мёртвый к вечеру, единственная фигура, способная остановить самозванца. Вылазка.

В мае на престол садится Павел V. Павел — имя разрыва: носитель приходит не продолжать, а менять инструмент. И инструмент меняется на глазах: кончаются письма — начинаются войска. Павел V шлёт благословения самозванцу и Марине Мнишек — переписка сохранилась [Д], — дальше второй самозванец, дальше открытая интервенция Си-

¹⁰ Собственноручное письмо Лжедмитрия I папе Клименту VIII, Краков, 24 апреля 1604 г. (архив курии); публ.: *Historica Russiae Monumenta*. Т. II. СПб., 1842; донесения нунция К. Рангони — там же.

гизмунда и польский гарнизон в Кремле. Мягкой сделке конец; ломают об колено. Три папских имени за три месяца — и три такта московской катастрофы, попадающие в имена нота в ноту. [Д] по датам, [Р] по прочтению — но прочти иначе, если сможешь.

Отец и сын.

Пока страна горит, не отрывай глаз от одной семьи — той, из чьей людской вышел «Дмитрий».

Фёдор Никитич Романов, в постриге Филарет, сосланный Годуновым в монастырь, при самозванце взлетает: Лжедмитрий I делает его митрополитом Ростовским. [Д] Самозванца убивают — Филарет не тонет: второй самозванец, тушинский вор, нарекает его патриархом. [Д] Вдумайся в это досье: отец будущего царя получает оба своих сана из рук людей, которых официальная история называет врагами престола и веры. Дважды. Подряд. А когда тушинский лагерь рассыпается, Филарет уезжает к Сигизмунду — переговорщиком, которого назовут «пленником», — и в безопасности пересиживает развязку.

Замок второй: семья не пряталась от Смуты и не страдала от неё. Семья была её кадровым бенефициаром на каждом такте.

След денег.

Легенда рисует Кузьму Минина, собирающего последние копейки. Копейки были — «пятая деньга», пятая часть имущества, и собиралась она не с одного Нижнего, а со многих

городов через ярославский «Совет всея земли». [Д] Но армия в двадцать тысяч профессионалов на копейках не живёт, и мы задаём вопрос следователя: кто дал крупно — и что получил после?

Ответ стоит в жалованных грамотах первых лет Михаила. Крупнейшие кредиторы ополчения и молодой власти — Строгановы, соляные короли, и монастырская казна. И едва Михаил садится на трон, строгановские привилегии подтверждаются и растут: расчёт по кредиту, оформленный государевой печатью. [Д] Мы не нашли ватиканских сундуков в Ярославле — и не будем их выдумывать: честный след денег ведёт к тем, кто покупал себе место при новой династии. А вот чьей будет сама династия — решалось не деньгами. Это решалось партией на доске, и её пора разобрать.

Гамбит короля.

Официальная история говорит: Сигизмунд III проиграл — ополчение выгнало поляков, Русь спаслась. Разложим партию по ходам и посмотрим, кто вышел из неё с прибылью.

Ход первый — жертва фигуры. Король, двадцать месяцев державший под Смоленском полную армию, «идёт спасать» свой кремлёвский гарнизон зимой 1612-го с отрядом в несколько тысяч. Доходит до Волоколамска, трижды отбит гарнизоном уездного городка — и поворачивает домой, даже не попытавшись подойти к Москве. Полк Струся в Кремле оставлен голодать до людоедства и капитуляции. Взявший Смоленск так не спасает — так списывают фигуру, отдавая

её за темп. [Д]

Ход второй — тишина в решающий момент. Январь–февраль 1613-го: собор заседает, граница рядом, польско-литовские отряды гуляют по русским уездам — и ни одной попытки сорвать избрание. Машина, двадцать лет находившая армии для фальшивых Дмитриев, не нашла эскадрона против настоящих выборов. Бездействие силы, обязанной вмешаться, — само по себе показание. [Д]

Ход третий — предъявление векселя. 1618 год: королевич Владислав доходит до стен Москвы, один ночной штурм — отбит, и вместо войны немедленно подписывается Деулинское перемирие: Польше отходят Смоленск, Чернигов, Новгород-Северский, десятки городов. Теперь достань краковские бумаги 1604 года: именно смоленские и северские земли самозванец обещал Сигизмунду за поддержку. Вексель, выписанный фальшивым царём в 1604-м, оплачен «спасённой от поляков» династией в 1618-м — до города. Оба документа существуют. [Д] Платят по контракту только той руке, с которой контракт заключали.¹¹

Ход четвёртый — размен, вскрывающий всё. По Деулину в 1619-м Сигизмунд возвращает Филарета: семь лет «плена» — и прямо из него в патриархи, в титул «Великий Государь», в соправители собственного сына. А тем же обменом едет домой Василий Голицын — сильнейший кандидат-Рюрико-

¹¹ Обязательства Лжедмитрия I Сигизмунду III и роду Мнишеков (Краков — Самбор, 1604); Деулинское перемирие 1 (11) декабря 1618 г.

вич, просидевший в той же польской неволе весь собор, — и умирает по дороге, в Гродно. Одна неволя, две судьбы: отец новой династии возвращается править, живая альтернатива возвращается в гробу. [Д] по фактам, [Р] по прочтению.

Ход пятый — страховой полис. Владислав не отказывается от титула «царь Московский» до 1634 года — и отказывается тогда за двадцать тысяч рублей по Поляновскому миру. Если Сигизмундова партия «проиграна» в 1612-м, почему Москва двадцать один год спустя гасит его претензию деньгами? Потому что претензия была не пережитком — рычагом в длящейся сделке. [Д]

Итог партии. Отдано: гарнизон в Кремле и красивая картинка «изгнания супостата». Получено: своя династия в Москве, земли по векселю 1604 года, патриарх-соправитель из собственных рук и вечный рычаг титула. Сигизмунду не нужна была Москва с боем — бой ломает то, чем собираешься владеть. Гамбит: пожертвуй пешкой, заberi партию.

Осталось показать, как разыграли последний ход — в зале собора.

Зал, в котором сидели Рюриковичи.

Февраль 1613-го. Москва освобождена, собор избирает царя. Вот момент подмены — разложим его по секундам.

Кто в зале? Живые Рюриковичи. Сам освободитель Москвы князь Пожарский — Рюрикович, стародубская ветвь, кровь Всеволода Большое Гнездо. Рядом — роды с семивековыми родословиями. Семь столетий единственным осно-

ванием власти на Руси была эта кровь — и вот она сидит в зале, живая, увенчанная только что военной славой.

Выбирают не её. Выбирают шестнадцатилетнего Михаила Романова — не Рюриковича ни в одном колене. Всё его «право» — внучатый племянник Анастасии, первой жены Ивана IV. Права по свойству, по жене, русская традиция не знала никогда: это право Захарьиных, сочинённое Захарьиными для Захарьиных. Замок третий: кровный принцип семи веков нарушен демонстративно, при живых носителях крови. Так не ошибаются — так назначают. [Д] по родословным, [Р] по мотиву.

Почему кровь молчала? У молчания четыре рычага, и каждый документирован.

Рычаг первый — свежий прецедент, выставленный напоказ. Василий Шуйский, Рюрикович, взявший корону в 1606-м, выдан своими же боярами полякам, провезён по Варшаве трофеем, показан сейму коленопреклонённым — и умер в неволе; прах вернут лишь в 1635-м. Каждый Рюрикович в зале держал эту картину перед глазами: корона Рюриковича теперь равняется варшавскому плену. Урок и делался публичным — в том его смысл. [Д]

Рычаг второй — тотальный компромат. Мстиславский, старший по знатности в зале, — глава Семибоярщины, впустившей поляков в Кремль: его имени нельзя произнести вслух. Трубецкой — тушинский боярин самозванца. Воротынский — та же Семибоярщина. Голицын, сильнейший

кандидат, — в польской неволе, его кандидатуру нельзя даже внести. Смута замазала каждый великий род — чистых кандидатов среди крови не осталось, и не случайно: их вычистила сама механика Смуты. [Д]

Рычаг третий — сила у дверей. «Повесть о Земском соборе 1613 года», рассказ современника, а не пересказ потомков: дворы окружают казаки и криком требуют Михаила; бояре тянут, предлагают иное — им не дают выйти. Чья это сила? Тушинская вольница — армия того самого второго самозванца, при котором Филарет был патриархом. Принуждение записано очевидцем, и приходит оно из-под руки Филарета. Замок четвёртый. [Д]¹²

Рычаг четвёртый — имущество. Казакам должны жалованье, вотчины подтверждает только новая власть; подпись под Утверждённой грамотой — цена сохранения родового. И заметь: подписи собирали ещё месяцы после избрания — «единодушие» оформлялось задним числом. [Д]¹³

И последний штрих, честно помеченный. Боярину Фёдору Шереметеву приписывают фразу из письма тех дней: «Миша Романов молод, разумом ещё не дошёл и нам будет поваден». Подлинника нет — ставим [ПК] и ничего на нём не строим. Но история подтвердила фразу делом: шесть лет «пова-

¹² Повесть о Земском соборе 1613 года / публ. А. Л. Станиславского, Б. Н. Морозова // Вопросы истории. 1985. № 5.

¹³ Утверждённая грамота об избрании на Московское государство Михаила Фёдоровича Романова / изд. Имп. Общества истории и древностей российских. М., 1906.

деным» Мишей правили посадившие его, а в 1619-м вернулся отец — и Россия получила официальное двоевластие с патриархом из тушинского лагеря во главе.

Подмена совершилась не в 1613-м — она в 1613-м оформилась. Кровь заменили назначением, семь веков династического права — сделкой казаков, бояр и «пленённого» патриарха. Романовы взойдут рассказывать, что спасли страну от Смуты. Документы говорят: они были её штабом.

Цена подписи.

Остался один человек, без которого спектакль не имел бы права на аплодисменты. Единственный незамазанный. Рюрикович, освободитель, любимец земли — князь Дмитрий Пожарский. Его согласие стоило дороже всех казачьих криков, и оно было куплено. Разберём по пунктам.

Пункт первый: он в зале, он молчит, он подписывает Утверждённую грамоту. [Д]

Пункт второй — плата, и плата мгновенная. Боярство ему жалуют в самый день венчания Михаила, 11 июля 1613 года, и на самой церемонии князь несёт державу. Вдумайся в мизансцену: Рюрикович собственными руками подаёт символ власти не-Рюриковичу на глазах всей земли. Это не награда за Москву — это гонорар за спектакль легитимации, выплаченный чином в день премьеры. [Д]

Пункт третий: вотчины, воеводства, почётные службы до самой смерти в 1642-м. Лояльность оплачивалась пожизненно. [Д]

Пункт четвёртый: донос 1620-х — будто Пожарский «воцарялся, и стало ему в двадцать тысяч». Подлинность тёмная — [ПК], не строим. Но сам факт, что власть хранила эту бумагу, показывает: согласие князя не считали само собой разумеющимся. За ним следили.

Пункт пятый — контраст. Минин, собравший деньги и ударивший в решающий фланг, получает думное дворянство и умирает через три года. Князю — всё, гражданину — грамота. [Д]

И пункт шестой — бронза. На Красной площади стоит первый скульптурный памятник в истории Москвы, и посвящён он не Ивану, не Донскому, не Владимиру — Минину и Пожарскому. Присмотрись к композиции Мартоса: во весь рост стоит гражданин, указывая на Кремль, а князь-Рюрикovich — сидит, принимая меч. Иконография согласия, отлитая в металле: народ вручает — кровь соглашается. Теперь дата: 1818 год. Только что сгорела Москва — и вместе с ней архивы; первым же монументом новой Москвы империя Александра I отливает миф «народ спас Романовых», напротив Кремля. Сгорели документы — поставили бронзу. [Д] по датам и композиции, [Р] по прочтению. Штрих напоследок: в 1931-м памятник передвинут от центра площади к собору — мешал парадом. Даже готовый миф двигают, когда он мешает следующему.

Рим в этот момент.

Закроем главу по нашему правилу — взглядом на престол

Петра.

Смуту открывает Климент VIII, имя мягкой сделки: самозванец с собственноручным письмом, тайная месса в Кракове, уния в обещаниях — почерк Бреста. Двадцать семь дней Льва XI, имени вылазки, — и в Москве умирает единственный, кто мог остановить проект. Дальше — Павел V, имя разрыва, смена инструмента: войска вместо писем, гарнизон в Кремле, а когда прямой захват срывается о народное ополчение — гамбит: жертва гарнизона, тишина при соборе, вексель 1604 года, оплаченный Деулином, и Филарет, возвращённый из «плена» прямо в соправители. При Павле V, от первого войска до Деулинского перемирия, разрыв состоялся полностью: на московском троне впервые сидит не кровь, а назначение. Меч Рим потерял — замок получил.

А в 1818-м, когда согласие князя отольют в бронзу первым памятником сожжённой Москвы, на римском престоле будет стоять Пий VII — гарнизон, четырьмя годами раньше воскресивший орден иезуитов. Миф чеканят при том же имени, что принимало итог 1812 года. Но это уже нити, ведущие в последние главы книги.

Следующему имени на нашем пути останется перестроить саму веру — и мы увидим, что резать русский обряд начнут точно при Иннокентии, имени чистки. Это Глава III.

ГЛАВА III. ЧИСТКА ВЕРЫ. КАК ПЕРЕПИСАЛИ НЕБО

После 1613 года у захватчиков трона оставалась проблема, которую не решить ни казаками, ни жалованными грамотами. Трон можно подменить за один собор. Но страна продолжала молиться так, как молилась при Рюриковичах, — креститься их перстами, ходить их посолоною, читать их книги и помнить свои роды до седьмого колена. Вера и память — два бастиона, которые нельзя купить. Их можно только переписать. Эта глава — о том, как их переписывали: сорок лет, по ведомству, с кадрами, присланными по назначению, — и как операция закончилась двумя кострами и одним гробом в один год, 1682-й.

Министерство.

Начнём с того, что построили заранее.

1622 год, девять лет после воцарения Михаила. В Риме Григорий XV учреждает Конгрегацию Пропagанды веры — постоянное ведомство по обращению некаатолического мира, с бюджетом, типографией восточных шрифтов и семинарией кадров. Вдумайся в смену инструмента: сто лет Рим слал в Москву разовых сватов и легатов — теперь под Восток создано министерство, работающее без выходных и переживающее любого папу. Григорий — имя архитектора: где Григорий XIII строил коллегии, Григорий XV строит контору. [Д]

Запомни это ведомство. Его выпускников и подопечных мы сейчас начнём встречать в Москве — по одному, на ключевых постах.

Выпускник.

Москва, 26 января 1649 года. С иерусалимским патриархом Паисием в город въезжает учёный монах — Арсений Грек. Блестящий: Венеция, Рим, языки, риторика, медицина.

Москва ещё умеет проверять гостей. Арсения берут в разработку, и 25 июля 1649 года на допросе у князя Одоевского он даёт показание, которое стоит выписать на поля всей нашей серии: в Риме высшее учение открывали только под клятву принять римскую веру — «иначе того учения никому не открывают и учить не велят». Позже, уже в ссылке, он сознается и в большем: веру в Риме менял. Следствие 1649 года выносит вердикт: в Соловки, «для утверждения в вере». Латинствующий — изолирован. Система Рюриковичей ещё работает: она распознала выпускника. [Д] — следственное дело сохранилось.¹⁴

А теперь смотри, кто и как ломает этот карантин. 1652 год: новгородский митрополит Никон посещает Соловки, приходит в восторг от учёности ссыльного — и забирает его. Став патриархом, селит Арсения в собственной келье, отдаёт ему патриаршую библиотеку и назначает главным справщиком богослужебных книг. Прочти это медленно: человек, осуждённый русским следствием как перевёртыш римской выуч-

¹⁴ Дело о ссылке старца Арсения Грека в Соловецкий монастырь (допрос 25 июля 1649 г.); Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. I–II. Сергиев Посад, 1909–1912.

ки, посажен резать русские книги — со всей библиотекой тысячелетней веры в руках. [Д]

Кадровая нить, которую мы обещали ещё в первой главе, замкнулась: коллегии Григория XIII готовили кадры — конгрегация Григория XV ими распоряжалась — Никон их расставил.

Освободившаяся кафедра.

Прежде чем резать, Никону нужно было сесть. Применим здесь первый раз принцип, выведенный нами в «Инструкции для папы римского»: у всякой своевременной смерти спроси не «отчего умер», а «кто получил».

15 апреля 1652 года умирает патриарх Иосиф — старый, осторожный хранитель обряда, при котором никакая реформа не прошла бы. Через три месяца, в июле, на кафедре — Никон, с невиданным условием, которое он ставит собору и царю: слушаться его «во всём, яко начальника и пастыря». Слой первый, видимая выгода: Никон получает кафедру и сверхвласть. Слой второй, выгода инстанции: реформа получает таран, а карантин против латинства — своего разрушителя изнутри. Мы не знаем, от чего умер Иосиф, и честно ставим на смерти [ПК]. Но на вопрос «кто получил» ответ документален — и он не в пользу случайности расписания. [Д] по датам и условию Никона.

Разрез.

1653–1654 годы. Начинается то, что учебники зовут «исправлением книг», а мы назовём по функции — разрезом.

Меняют жест: двоеперстие, которым крестилась вся Русь Рюриковичей, — под запрет. Меняют ход: посолонь, по солнцу, — теперь против. Меняют само Имя: «Исус» — теперь «Иисус». Правка имени — никогда не мелочь: с убийства имени начиналась наша серия, и здесь тот же почерк — одна буква меняет адресата семивековой молитвы. Правят по новопечатным греческим книгам — а печатались они в типографиях Венеции, под латинской цензурой: «древность», по которой резали русскую старину, была свежей типографской продукцией католического города. И всё это — руками справщика, чью римскую клятву установило московское следствие.

Подними глаза к Риму: на престоле Иннокентий X. Иннокентий — имя чистки. Резать русский обряд начинают ровно при этой метке. [Д] по датам.

Несогласных — а несогласной оказалась половина страны — предают анафеме, ссылают, жгут в срубах. Титул Никона вырастает до «Великого Государя»: второй государь в стране, где первый — «поваденый». Кочующую по литературе «чеканку Никоном собственной монеты» мы проверили и вычеркнули — документа нет, а титула [Д] достаточно.

Гастролёры и списание исполнителя.

1666–1667 годы. Большой Московский собор должен утвердить разрез навсегда. Кто судьи? Восточные патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский — гастролёры, к моменту суда лишённые собственных кафедр у

себя дома, живущие на московское жалованье. Люди без кафедр судят веру семи веков — и налагают анафемы на старый русский обряд, то есть на всё, чем спасалась Русь от крещения до Никона.

А сам Никон? Тот же собор его низлагает. Вчитайся в этот двойной приговор, мы уже видели этот почерк и увидим ещё: анафемы старине — оставить, исполнителя — списать. Таран, пробивший стену, больше не нужен; более того — опасен: слишком много знает и слишком много взял. Никона увозят в Ферапонтов монастырь тем же порядком, каким через полтора века «спишут» Наполеона на остров: работа принята, работник ликвидирован как фигура. [Д]¹⁵

Где в этот момент Рим? На престоле Александр VII — имя противостояния властелину, и он занят по назначению: мерится с Людовиком XIV и униженно проигрывает ему Пизанский договор. Папе не до Москвы — а московская операция не сбивается с шага: гастролёров нашли, провезли через полконтинента, содержали, приговор согласовали, исполнителя списали. Так не выглядит инерция — инерция не платит жалованья и не согласовывает приговоров. Так выглядит продолжающаяся работа: постоянное курирование и регулярная касса, которым безразлично, чем занят человек на престоле. Отметь это наблюдение — оно из важнейших в книге: операция идёт, когда папе некогда. Значит, ведёт её тот, кто не выбирается конклавом. Мы вернёмся к этому в

¹⁵ Деяния Большого Московского собора 1666–1667 гг.

финале. И чтобы не оставалось сомнений, чьи это кадры: хорват Юрий Крижанич, миссионер Конгрегации Пропаманды веры, пойман в Москве и сослан в Сибирь ещё в 1661-м. Поток шёл непрерывно; Арсений — тот, кто прошёл. [Д]

Два костра и один гроб.

Теперь финал операции — 1682 год, и мы разложим его по месяцам, потому что месяцы здесь кричат.

Январь 1682-го. Собор при молодом царе Фёдоре Алексеевиче отменяет местничество, и разрядные книги — росписи родов, службы, старшинства, вся генеалогическая память государства — торжественно преданы огню. Вспомни, с чего начиналась наша первая глава: Иван IV создал «Государев родословец», хранилище крови. Через сто тридцать лет наследники подменённого трона жгут хранилище. Кровь больше нельзя предъявить — предъявлять нечего. [Д]¹⁶

14 апреля 1682-го. В Пустозерске сожжён в срубе протопоп Аввакум — последний великий голос старой веры, пятнадцать лет писавший из земляной ямы так, что его листы расходились по всей стране. Книги родов сожгли в январе — голос веры сожгли в апреле. [Д]¹⁷

27 апреля 1682-го — через две недели после аввакумова костра — умирает царь Фёдор Алексеевич. Ему двадцать

¹⁶ Соборное деяние об отмене местничества 12 января 1682 г. // ПСЗ РИ. Т. II. № 905.

¹⁷ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное; о казни в Пустозерске 14 апреля 1682 г. — старообрядческие синодики и следственные материалы.

лет.

Применим наш принцип второй раз, по всей форме. От чего умер — не знает никто: «болезненность» — это не диагноз, вскрытий нет, на смерти стоит наш честный [ПК]. Спросим, кто получил. Слой первый, видимый: смерть бездетного Фёдора открывает свалку у трона — стрелецкую резню, Софью, и в итоге Петра, при котором вестернизация пойдёт уже галопом. Слой второй, выгода инстанции, — и вот он ледяной: Фёдор умер идеально вовремя. Не до января — книги сожжены его подписью. Не до апреля — Аввакум сожжён его царствованием. Ровно после: когда обе подписи поставлены и обе работы приняты, подписант перестаёт быть нужен — двадцатилетний, только что женившийся вторым браком, ждущий наследника, то есть вот-вот способный закрыть трон от нарышкинской линии. Исполнитель, заверивший уничтожение памяти и веры, умирает через четырнадцать дней после последнего костра. Мы не утверждаем убийства — мы предъявляем расписание. Расписание против случайности. [Д] по датам, [ПК] по причине смерти, [Р] по прочтению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.